

И. УРАЗОВ

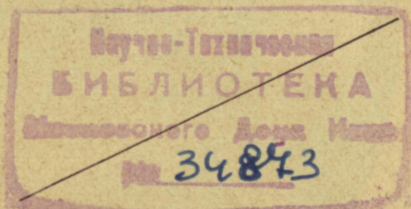

ЖЕННИ
ПОРТЕН

КИНОПЕЧАТЬ

МОСКВА 192

ЖЕННИ ПОРТЕН

Библиотека киноискусства
им. С.М. Эйзенштейна

МОСКВА

1926

Обложка работы Н. СОКОЛИК

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“.
Москва, Пименовская ул., 16.
Главлит № 70636. Тираж 15.000.

ИЗДАНИЕ 2-е

К. К. К. К.

В 1907 году была мода на самоубийства и лекции. Читали на темы о смысле жизни, красоте, самоубийствах и русской женщине. Обязательно о русской женщине.

Лектор, поправляя очки, цитировал Тургенева и Гончарова.

Давайте, не из книг:

В песнях создает народ героев, и по этим героям мы судим и о народе. Но у нас есть песни о Степане Разине, а о женщинах нет. Разве что женщина топится, или если она не хочет сама,— то ее топят.

Впрочем, в частушках женщины травятся и их бьют.

После очередной попойки союз русского народа неизменно посылал телеграмму Дубровину и губернатору. Но душа просила лирики, о Тургеневе союзники не знали, и они посылали приветствия еще и Вьяльцевой.

Может быть, это русская женщина? У каждого слоя — своя символика.

Сегодня, когда женщина — председатель сельсовета, и в муках рождается новый быт, мы тоже не знаем „русской женщины“. Правда, нам и не надо знать,— но мы не знаем.

А вот немцы знают, что мир женщины замкнут
четырьмя Ка.

Kinder, Kirche, Küche, Kleider.

Дети, церковь, кухня, наряды.

„Ка“ важнее любви, а супружеская верность — про-
изводное от четверки. Универсальная формула.
Женщины Гете и идеал Вильгельма II, провозгла-
сившего эту формулу.

НО ШЕЛКОВЫЕ ЧУЛКИ ОСТАЛИСЬ

В немецких газетах можно прочесть объявления
о коллекциях обесцененных денег. В объявлении
немец гордо хвастается: „величайшая инфляция,
когда-либо существовавшая на земле“.

Немцы — народ гордый. У них много величайших
вещей. В частности — величайшие идеалы.

Но два года времен величайшей инфляции уни-
чтожили гордость страны. Место Вильгельма II занял
доллар. Не символика; в представлении рядового
немца не доллар в кавычках, то-есть Америка,
а самая обыкновенная серая долларовая бумажка.

Иностранцы ехали в Германию и покупали за
беспенок все, что хотели. Шибер, спекулянт, имев-
ший доллары, мог купить не только дом, двенадца-
тилетнюю девушку или гравюру Дюрера, но даже
хлеб. Даже мясо.

Когда нечего продавать, продают рамку от пор-
трета любимой.

Германия на несколько лет превратилась во все-
европейское увеселительное заведение. В каждом
доме — кабачек или Nachtlokal; вместо „августина“
дети напевали фокстротт, вместо Шиллера — добро-
детельная Германия издавала журналы лесбийской
любви; в вошедших в моду „обозрениях“ число
малоодетых женщин стало увеличиваться за счет
материи, потраченной на костюмы, пока не исчезли

и газовые нагрудные и набедренные повязки и оста-
лись только шелковые чулки.

Один из героев романа Ампа говорит: „В этой
банкротившейся стране — скидка на женщин“.

И даже в журналах для семейного чтения по-
явились объявления с фотографией девицы, соби-

рающей надеть рекламируемый корсет на голое тело. Но сами журналы для семейного чтения остались.

И „Gartenlaube,“ в которой когда-то печатались трогательные романы Марлит, еще и сегодня имеет тираж в 100 тысяч.

Но еще и сегодня есть ферейны и корпорации.

Еще и сегодня немец в шляпе с кисточкой поднимается на Альпийские вершины.

Рама от портрета любимой продана, но фотография, измятая, обтрепанная, еще хранится.

У Германии осталась — Женни Портен.

ЖЕНЩИНА ДОВОЕННОГО КАЧЕСТВА

Я не знаю, посылают ли из Мюнхена после заседания сотрудники ратуши и торговцы вязанными фуфайками приветственные телеграммы Женни Портен.

Думаю, что посылают. Должны посылать.

С 1911 года, когда она впервые появилась на экране, Женни Портен из картины в картину честно несла через страну сирот и налогов, фунта хлеба ценой в столько-то билионов марок и восьмилетних проституток, через восстания и подвальную революцию, через голод и сифилис — память, мечту о довоенной немецкой женщине.

Память о своеобразно преломленной через эту женщину немецкой литературе и идеалистической философии.

О Гете.

О семье, о вязаных чулках. О „стальной мощи“ императорской Германии.

О подлинной лирике.

О колыбельной песенке, слышанной в детстве, о близкой, милой, ласковой, ненужной колыбельной.

О настоящем, не желудовом, кофе с густыми, жирными сливками.

О путешествии в Италию, с Бедкером в руке по музеям и картинным галереям.

И о женщинах четырех Ка.

НЕМЕЦКИЕ АНГЛИЧАНЕ

Я хотел написать о Женни Портен, не упоминая слова „мецанский“.

Шаблонное представление о немецком, о браке, о ночных туфлях, об аккуратности — не обязательно совпадает с понятием „мещанский“.

Есть сдвиги. Сегодня, когда понятие о мещанском вбито крепко в сознание, повесить в комнате клетку с канарейкой и поставить на окне горшки с геранью или фикусами — не мещанство. Это может быть величайшим героизмом и величием духа, избавлением от утомившего литературного трафарета. Должен быть и другой угол зрения.

Но о мещанстве вот почему. Мещанство любит упрощенный демократизм. Не в политическом смысле, разумеется, а, примерно, так, как словоохотливый парикмахер опрощает слово политика.

Образы Женни Портен — мещанственны и демократичны.

Вот Анна Болейн, ставшая королевой Англии, не сумевшая удержать любовь мужа, Генриха VIII, и трон. Трагедия разлюбленной женщины. Так называемая общечеловеческая трагедия.

И Женни Портен сумела рассказать историю Анны Болейн по-своему.

Женни Портен — хорошая актриса. Мы поняли эту трагедию, мы верили Анне Болейн и ее честности, мы были с нею и жалели ее.

Для какого-нибудь Илловайского — чужой Фридрих Барбаросса был замечателен тем, что имел рыжую окладистую бороду. И только. Но уже в своего Иоанна Грозного Илловайский вкладывал какое-то содержание. Правда, содержание не для нас, не для понимания исторического процесса, а лишь для получения аттестата зрелости в царской России. Но — содержание.

В Анне Болейн костюмы и грим сделаны точно по Гольбейну. Этот немецкий, один из самых немецких художников, жизнерадостный ценитель жи-

зни, скитался, ел, хорошо пил пиво и хорошо писал, пока не умер на чужбине от чумы. Он забрел и в Англию, где писал портреты при дворе. И английского короля Генриха VIII мы мыслим теперь по немцу Гольбейну: хитрое лицо, хитро прищурен-

ные глаза, полные лукавства, добродушия и жестокости; веселый, жадный, грубый, любящий хорошо поесть, толстяк. Это не английский король, а немецкий бюргер, расчетливый купец из Аугсбурга, родины Гольбейна.

И если Анна Болейн оказалась хорошей картиной, то потому, что в ней была цельность и единство трактовки. Угол зрения.

Картину ставила немецкая фирма Генриха VIII по немецкому художнику Гольбейну, играл немец Яннингс, а Анну Болейн — Женни Портен.

Одной рыжей бороды чужого Барбароссы иногда бывает мало. Надо уметь перевести на свой язык, вложить содержание в чужое.

Женни Портен сумела.

Ну, какая же это общечеловеческая трагедия — история Анны Болейн!.. Это печальная история, частный случай, белокурой нежной немочки из маленького старинного городка. Да и чего другого мы могли ждать — ведь Женни Портен, факельщик духовной мощи уходящей Германии, играет только немек.

И как были бы мы удивлены, если бы вдруг узнали, что Америка, переманивающая даже сомнительных актрис из Европы, пригласила Женни Портен.

Она немислима на другой почве.

А у Америки есть своя Женни Портен, иное преломление того же образа, лиричнейшая и сентиментальнейшая Лилиан Гиш.

СОВЕТ СЦЕНАРИСТАМ

Легко писать сценарии для Женни Портен.

У нее почти в каждой картине на руках младенец. Она трогательная мать.

Она всегда в картинах выходит замуж несчастливо. Неравный брак. За барона, за графа, за князя, даже — за короля.

Если бы немецкие сценаристы немного расширили район своих тем, она вышла бы замуж за бога.

Муж аристократ требует, чтобы она ездила на балы. Чтоб вела себя, как светская дама.

Но ей приятнее быть у колыбели ребенка, возиться по хозяйству. Она стопроцентная немка.

Отсюда разлад.

Когда мужа нет дома, баронесса, графиня, княгиня обедает на кухне. Ей тяжело в больших, неудобных торжественных комнатах, где нет фикусов и герани.

В каждой картине по щекам Женни Портен кажутся тяжелые глицериновые слезы. И она трогательно, ласково и виновато улыбается. Женни Портен умеет улыбаться.

Я помог сценаристам из Германии, формулировав как надо писать для Портен. Впрочем, они это и сами хорошо знают.

ТАНЦЫ И СЛЕЗЫ

Когда у актера катарр желудка — он играет роли злодеев.

Когда человек хорошо ездит верхом — он старается играть в ковбойских фильмах.

Актер из театра любит картины, где он может ерошить волосы и рвать рубаху на груди.

Женни Портен росла в актерской среде и училась танцевать. Балетмейстер Миланского театра, синьор Буччилези, просил даже ее отца отпустить Женни в Италию, так как он увидел в Женни Портен громадные способности и обещал сделать из нее прима-балерину.

И вместе с тем Женни Портен не танцует в своих картинах. Ковбой избегает лошадей.

Женни Портен не должна танцевать. Она не смеет быть в кино балериной...

Когда плачет Лириан Гиш — она плачет лирично. Сладкими ласковыми слезами.

Лицо Мери Пикфорд никогда не искажается от слез. Это испортило бы очарование женственности.

Женни Портен не боится плакать некрасиво. Слезы ее тяжелые и горькие. Бессильные, наболевшие, рвущие грудь, облегчающие женские слезы. Туманящие глаза, искажающие черты лица. Она становится жалкой, слабой женщиной. Тоже стиль.

Не бояться уродства. Не бояться уродующего грима. Ставка не на внешность, а на что-то другое, на иную женственность.

В sentimentalных немецких романах веснушчатые белокурые героини ходили иногда в собственноручно связанных чулках из овечьей шерсти и в ботинках на низких каблучках, на резинках, с вечно торчащими сзади ушками.

Их любили и писали им трогательные письма.

КАК СНИМАЕТСЯ ЖЕННИ ПОРТЕН

Мне бы еще хотелось рассказать, как снимается Женни Портен.

Она снимается под музыку. Или так, — не под музыку, а под впечатлением музыки.

Ей играют что-нибудь веселое или грустное, смотря по характеру роли, и она, зараженная простотой, волнующей музыкой, создает свою роль.

В этом нет ничего примечательного. В большинстве европейских ателье пьют лимонад из шампанских бутылок под факстротт, преступники едут рысью под вальс и раскаиваются под хоралы. Для ритма.

Интересно у Женни Портен другое.

Однажды ей прислали нового музыканта. Это был хороший музыкант — у него была громадная папка нот классического репертуара. Он знал много опер и концертов для фортепьяно. Но это был неудачный день. Этот музыкант оказался причиной того, что у Женни Портен пропал день, и что потом пришлось

снова переснимать целую большую сцену. Музыкант, оказывается, не умел играть простых немецких песенок, под которые любит сниматься Женни Портен, а для ее игры оперы и концерты оказались не музыкой. Музыка должна быть созвучной.

Женни Портен „переживает“ под музыку.

Я не знаю, следовало ли брать в кавычки слово „переживает“. Но у нас, если сказать, что актер „переживает“, — все поймут, что у него нет техники, мастерства. Плохой комплимент.

У Женни Портен есть техника. Простая, органическая, вошедшая в кровь; результат опыта.

Женни Портен играет много лет подряд. Она начала играть еще тогда, когда были грандиозные боевики... в 15 метров.

Ей сейчас 34 года, и с 19 лет она в кино.

Ей, в отличие от большинства других кино-актеров, не пришлось преодолевать в себе театральную технику. Уже хотя бы потому, что она не пришла от театра.

И все эти годы она работала, в сущности, над одной ролью:

Симпатичной немецкой женщины. Не умной, не красивой, не героичной, а рядовой „симпатичной“ женщины.

Что же до фикусов, герани, канареек, вязания чулок и настоящего жирного кофе, то, право, трудно сказать — лучше ли романтика чулок, дюжины детей и „августина“, или nachtklokal'и, голые девицы и фокстротт.

А третьей Германии — кино еще не показывало.

Измаил УРАЗОВ.